

Запоздалое осознание того, что именно означает реконструкция духовного ландшафта, заставило зрачки Е Эра сузиться, а его попытка оттолкнуть самку зерга замерла на полпути.

— Что ты... только что сказал? — его голос прозвучал очень тихо, с оттенком недоверия.

Духовный ландшафт строится из памяти и подсознания — иными словами, он соткан из всех прошлых переживаний и эмоций. Даже если он разрушен и пребывает в полном хаосе, пока цел фундамент, всегда остается возможность восстановления.

Но реконструкция — это полное разрушение, безжалостное отсечение всего до самого основания.

Он отказался от всего, что когда-то составляло его плоть и кровь, вырезав гноящуюся, омертвевшую плоть, за которую цеплялся слишком долго. Он принял полное перерождение, кровавое обновление.

В полной мере осознав, какую боль терпел Си Цзэ, Е Эр подсознательно усилил поток феромонов.

Успокаивающая духовная сила сгустилась и потекла в духовный ландшафт самки зерга, где бушевал настоящий шторм.

Изначально подавленная духовная сила внезапно встрепенулась, словно помилованный зверек, выпущенный из клетки, и принялась тереться о бедра и талию Е Эра, ластясь и дурачась.

— Зачем ты это сделал?

Е Эр наконец пришел в себя, чувствуя, как тело самки зерга все еще слегка дрожит под его ладонью.

Его ресницы дрогнули, а голос сорвался:

— Ты мог бы исцеляться постепенно. Разве тебе уже не становилось лучше?

Подавленный гнев вновь поднялся внутри, почти достигнув точки кипения. Он стиснул зубы и тихо произнес:

— Даже если тебе пришлось пойти на это, почему ты не сказал мне заранее? Если бы я внезапно не проснулся, ты бы так и умер от боли или замерз насмерть на полу? Ты хоть понимаешь...

В нем кипели одновременно и злость, и разочарование, и под конец его голос слегка дрогнул:

— Почему ты всегда так поступаешь?

Влажное тело самки зерга лежало в его объятиях, горячее дыхание обжигало чувствительное ухо. По крайней мере, это доказывало, что он жив, и это несколько притупляло страх.

И всё же самка зерга в его руках, ни о чём не подозревая, снова наступил на эту красную черту:

— Военные самки не так легко умирают, можете быть спокойны. Если бы я не был уверен в своих силах, я бы не стал действовать столь опрометчиво. Худшее, что могло случиться — это полная потеря духовной силы. На самом деле это не угрожало моей жизни.

Его голос прерывался, а дыхание было явно сбитым, отчего слова звучали совершенно неубедительно.

Однако для вновь вспыхнувшего гнева Е Эра это было подобно маслу, подлитому в огонь.

— Да неужели?

Е Эр издал короткий смешок, его кадык дернулся, сглатывая подступившую к горлу горечь. Он был настолько зол, что не мог перестать глубоко дышать.

— Значит, оказывается, я подобрал не самку зерга, а отлитого из бронзы и выкованного из железа пуленепробиваемого меху. Даже получив раны, ты не чувствуешь боли. Пока ты можешь продолжать функционировать, ты без колебаний отпилишь себе руки и ноги, чтобы заменить детали, так?

— ...Простите, — произнес Си Цзэ после недолгого молчания; его голос был напряженным.

Е Эр отчетливо чувствовал, что самка зерга уходит от ответа, и в его тоне проскользнула нотка раздражения:

— Ты извиняешься, но меняться не собираешься, верно?

Почувствовав гнев самца, Си Цзэ сглотнул и беспомощным, хриплым голосом ответил:

— ...Но у нас мало времени.

Он слишком долго терпел эту беспомощность. Он не мог ждать, пока все медленно наладится. Ему нужно было действовать быстро.

Весть о том, что его забрал самец, скорее всего, уже дошла до ушей того ублюдка. Это место больше не было безопасным.

Эти несколько дней покоя, украденные в самом эпицентре бушующего шторма, и без того были невероятно роскошным и драгоценным даром небес.

Если он хотел продолжать жить, если хотел надежно укрыть самца под своими крыльями, он не мог просто сидеть сложа руки и ждать смерти.

Не было нужды обременять самца всеми этими хитросплетениями и грязью. Он хотел, чтобы тот безопасно стоял в стороне, чистый и нетронутый, пока он сам не сметет весь этот мусор. А потом...

Изначально он намеревался втайне завершить реконструкцию, чтобы Е Эр ничего не узнал, но от невыносимой боли его сознание помутилось.

Сам того не осознавая, он уже свернулся калачиком у кровати самца, словно близость к этому легкому дыханию могла дать ему больше сил, чтобы выстоять.

Одно это уже говорило о многом.

— Я не хотел вас пугать, просто я не смог сдержаться...

Нос Си Цзэ заискивающе потерся о подбородок Е Эра, а мягкий уголок его губ случайно мазнул по его челюсти, заставив это место мгновенно напрячься.

Он попытался остудить пыл самца, но случайно потянул рану и не смог сдержать приглушенного стога.

Что значит «мало времени»?

Е Эр слегка замешкался, смутно улавливая темный и глубокий скрытый смысл этих слов.

Ему следовало бы продолжить допытываться, что скрывает самка зерга, но гнев и душевное смятение сошлись в перетягивании каната, борясь за превосходство.

В ушах стоял звук болезненных вздохов, и каждый из них добавлял тяжести на сердце, пока чаша весов наконец не перевесила.

— Ты просто... — тихо пробормотал Е Эр, а затем надолго закрыл глаза; в его голосе прозвучали нотки обреченности. — Забудь.

Он нежно потер кончиками пальцев плечи самки зерга, где недавно покрылись коркой большие грубые раны. Он не был уверен, не разошлись ли они снова.

— ...Раны болят?

— Не болят...

Физическая боль медленно отступала, но на ее место пришел невыносимый зуд, столь же мучительный.

Си Цзэ потерпел какое-то время, тяжело дыша, прежде чем постепенно высвободить свои феромоны.

Горьковатый аромат чая начал распространяться, сливаясь со сладостью карамели, рождая уникальный и пленительный букет.

Жар в его теле нарастал еще с того самого момента, и за те несколько коротких минут разговора с самцом он уже почти потерял контроль над приливом обжигающей страсти.

Хотя изначально инициатива исходила от самца, Си Цзэ все же вежливо спросил:

— Вы хотите заняться этим?

Лицо Е Эра, которое только-только начало смягчаться, при этих словах мгновенно потемнело.

— Заняться, заняться, заняться. Ты думаешь, я совсем безмозглый? В твоём нынешнем состоянии я боюсь, что ты отдашь концы прямо на середине.

Си Цзэ слегка улыбнулся. Ему тоже не хотелось говорить о подобном в столь неподходящий момент, но физиологическую реакцию было не скрыть.

Но вскоре он снова поджал губы, внезапно немного забеспокоившись. *Неужели в глазах его самца он выглядит слишком похотливым и порочным?*

— Ладно... вставай.

Е Эр опустил ладонь на голову самки зерга и потрепал его волосы, причем отнюдь не мягко.

После предыдущего сеанса духовного проводничества он поискал информацию и узнал, что феромоны не всегда вызывают у самок течку. Просто в тот раз он использовал ошибочный метод.

Словно повинувшись одной лишь мысли, сладкий аромат, витавший в ванной, начал меняться.

Оставаясь сладким, он потерял свою будоражащую душу притягательность. Вместо этого он навевал комфорт, тепло и сонливость, вызывая желание отбросить всякую бдительность и безмятежно погрузиться в крепкий сон.

Е Эр поднял брошенную лейку душа и снова направил потоки горячей воды на тело самки зерга.

На мгновение в ванной воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом льющейся горячей воды и двумя дыханиями — одним глубоким и одним легким, — сплетенными в безмолвии.

Тепло от центрального отопления наконец добралось до ванной, и воздух, который до этого был слегка промозглым, постепенно прогрелся.

Самка зерга в его объятиях, казалось, наконец-то благополучно миновал опасную стадию реконструкции духовного ландшафта, и его напряженное тело постепенно расслабилось.

Даже не пытаясь почувствовать это сознательно, можно было ощутить, как новорожденная жизненная сила и изобилие почти переливаются через край, блуждая по всей ванной комнате.

— И тут раз, два, три, четыре... бесчисленные нити духовной силы в конце концов с тихим «плюх» прилипли к Е Эр.

«Какое позорище».

Мысленно выругался Си Цзэ, ощутив перемену в своей духовной силе; его мочки ушей почему-то залились краской стыда.

Обычно сдержанная военная самка не могла открыто выражать свои чувства, зато его духовная сила была лишена подобных ограничений.

Особенно та духовная сила, что была реконструирована вокруг хижины как «ядра» — она просто не могла противиться знакомому, легкому аромату, исходящему от самца.

В отличие от этой резвой духовной силы, Е Эр не поднимал глаз.

— Сейчас я все еще очень зол. Очень, очень зол.

Произнес он после долгого молчания, нарушив почти уютную тишину ванной комнаты.

Е Эр уже успокоился, но некоторые вещи определенно перешли все границы, и ему нужно было прояснить ситуацию.

Он не был уверен, было ли это конфликтом мировоззрений, но, хотя он постоянно подчеркивал важность жизни, самка зерга по-прежнему не умел беречь свое тело. Полагаясь на свою потрясающую живучесть, он безрассудно истязал себя.

Си Цзэ говорил, что хочет жить, но он жил лишь ради того, чтобы выжить — возможно, ради мести, а может, и с другой целью. Но как бы там ни было, он... не пытался по-настоящему

исцелиться.

Самка зерга в его руках на мгновение окаменел. С трудом переводя дыхание, он произнес надломленным голосом:

— Что мне сделать... Может быть, вы накажете меня? И не останавливайтесь, пока ваш гнев не утихнет.

— Ты вообще не понимаешь, о чем я говорю.

Е Эру было лень даже поднимать веки; он просто отстранил самку зерга, позволив тому прислониться к стене и сесть, подогнув ноги, а затем принялся смывать сочащуюся кровь с его груди.

Казалось, он никогда не сможет его спасти.

Эта мысль вызвала у Е Эра некоторое разочарование, но поскольку проблемы было не избежать, оставалось лишь искать пути её решения. Коротких путей не существовало, поэтому волноваться было бессмысленно.

Так же, как и в тот момент, когда он решил подобрать привязавшегося к нему бродячего щенка и принести его домой, он уже был готов взять на себя ответственность за заботу о нем. Он не станет заикливаться на том, сколько денег или сил вложил — нужно просто двигаться вперед и жить хорошей жизнью.

Си Цзэ, однако, уклонился от льющейся на него струи воды, вцепился в край пижамы самца и крепко прижался к нему. Влага с его тела пропитала ткань, оставив большое мокрое пятно.

Он тихо произнес:

— Не надо так... скажите мне.

— Теперь ты понимаешь, как раздражает, когда не договаривают?

Е Эр усмехнулся, но не стал больше сдерживать слова.

— Дело не в твоей тайной реконструкции. Проблема в твоём отношении к собственному телу и жизни. Да, военным самкам нелегко умереть, но разве вы не чувствуете боли? Неужели нельзя хоть немного беречь себя?

Всё тело Си Цзэ содрогнулось. Он медленно моргнул, словно не веря своим ушам.

То, чего он подсознательно избегал, о чем не смел задумываться глубоко, было безжалостно вскрыто самцом, выставлено напоказ.

Это не оставляло ему возможности прикинуться дураком, сделать вид, что он ничего не понимает, или как-то выкрутиться.

Это была неприкрытая, пылающая искренность, достаточно горячая, чтобы обжечь сердце.

Спустя мгновение он не смог сдержать слабой улыбки.

Было очевидно, что от него нет никакой пользы, и он является лишь обузой. Почему же Е Эр так поступает?

Он заботился о его чувствах так чисто, почти не ожидая ничего взамен. Он даже злился и тревожился за него.

Он вдруг вспомнил давно забытые обрывки воспоминаний, которые всплыли ранее.

Он думал, что это просто незначительные мелочи, стертые безжалостными войнами, и что он уже давно забыл конкретные детали и свои тогдашние эмоции.

Но оказалось, что это не так.

Он ничего не забыл.

И, по крайней мере, до тех пяти лет беспроекторного мрака, в последнюю секунду перед тем, как он «умер», глядя в кроваво-красное небо, он все еще жаждал хоть одного сочувственного взгляда от этой фальшивой, скупой любви.

Но вороны, пирующие плотью на поле боя, не пожалеют жалкий труп. Гениальный генерал, когда-то носивший плащ славы, был мертв; от него осталась лишь сломленная, изрешеченная человеческая оболочка.

Но к счастью, к счастью...

Той снежной ночью Е Эр прошел мимо того темного переулка и, словно по воле случая, вытащил его с того света.

Будто холодный, жестокий бог, видя его одиночество и опустошенность на протяжении полужизни, наконец почувствовал искру сострадания к его трагичному, павшему состоянию.

Глаза Си Цзэ слегка прикрылись, а на губах заиграла легкая улыбка.

Над ухом он слышал, как самец тихо ворчит, жалуясь на то, что он всегда недоговаривает, и это ужасно бесит. А затем, столь же естественно, разговор перешел на то, когда лучше назначить визит к врачу для осмотра...

Он был по-настоящему, глубоко тронут.

Это было бы невысказано всего пару недель назад, да и вообще в первой половине его жизни.

Не было ни громких признаний, ни фальшивых сладких речей, ни даже особого проявления любви.

Но этот самец был таким нежным и в то же время сильным, принципиальным и полным сочувствия; он излучал свет, подобно звезде.

Сквозь тонкий слой ткани он чувствовал биение сердца совсем рядом.

Словно невероятно надежный якорь, который тянет его назад, не давая сорваться в бездну, где его тело разорвет на части, а кости обратятся в прах, и он умрет без могилы.

Умереть без могилы.

— Ты вообще слушаешь, что я говорю?

Е Эр слегка наклонил голову, чтобы взглянуть на свое плечо. По какой-то причине самка зерга

уже некоторое время витал в облаках.

Он вспомнил о поразительной и пугающей реконструкции духовного ландшафта самки зерга и немного забеспокоился о том, какие последствия она может за собой повлечь.

— ...Реконструкция духовного ландшафта действительно прошла успешно? Ты ведь не станешь дураком?

— Ну как я могу? — пробормотал Си Цзэ, уткнувшись лицом ему в грудь и глухо рассмеявшись.
— Сейчас я чувствую себя прекрасно... лучше, чем когда-либо.

Е Эр удивленно приподнял бровь и цокнул языком:

— Ну всё. Ты точно стал дураком.

Он закрыл кран, снял банное полотенце и накинул его на плечи самки зерга, а затем окликнул 015, ждущего снаружи. Мгновение спустя раздался торопливый стук колес.

Он послушно опустил голову, позволив Е Эр вытирать его мокрые волосы. Вспомнив о недавних тонких переменах, которые он заметил, в глазах Си Цзэ мелькнула тень мрака.

Он не знал, как много этот идиот успел заметить, и на какие отчаянные меры может пойти, но исход не изменится ни на йоту.

Пять лет назад Антуан не прикончил его, и это стало самой большой ошибкой в его жизни.

Скоро...

В течение этого периода выздоровления он чувствовал, как его поврежденная способность к исцелению постепенно восстанавливается, а скорость заживления ран увеличивается.

Если дать ему месяц или даже меньше, всё вернётся на круги своя.

Очень скоро.

****От автора:**** Я промолчу о том, чье сердце сейчас колотится.

Генерал выглядит суровым и свирепым (и это правда), но как только кто-то западает ему в сердце, он отдает всего себя, без остатка.

Своих товарищей, сокурсников, учителей и даже своего отца-самку генерал защищает изо всех сил. Но дети, которые не плачут, никогда не получают особого отношения, а искренние сердца всегда остаются пылиться в углу.

Е Эр тоже такой, но в будущем они смогут исцелить друг друга и будут беречь. Автор просто обожает эту тему... Приглашаю всех к столу *(вытирает слюнки)*.

<http://bllate.org/book/17964/1734753>